

> МАТИС ТРАЛЪ >

ДЭВИД ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС

СЫНОВЬЯ
И ЛЮБОВНИКИ

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л81

David Herbert Lawrence

SONS AND LOVERS

Перевод с английского *Раисы Облонской*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Лоуренс, Дэвид Герберт.

Л81 **Сыновья и любовники** / Дэвид Герберт Лоуренс ; [перевод с английского Р. Е. Облонской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-215875-9

Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) — один из самых влиятельных и противоречивых английских писателей XX века. Его самые известные произведения не раз подвергались цензуре, но со временем были признаны шедеврами мировой литературы.

«Сыновья и любовники» (1913) — во многом автобиографический роман, считающийся вершиной творчества Лоуренса. Это история молодого Пола Морела, разрывающегося между любовью к властной матери и попытками построить собственную жизнь. «Сыновья и любовники» — это не только психологическая драма, но и глубокий портрет эпохи, где традиционный уклад жизни сталкивается с новыми социальными веяниями.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-215875-9

© Р. Е. Облонская, перевод на русский язык.
Наследники, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ПЕРВЫЕ СУПРУЖЕСКИЕ ГОДЫ МОРЕЛОВ

Низинный вырос на месте Преисподней. Так называлась улочка, состоящая из крытых соломой кособоких домишек на берегу ручья, при Гринхиллской дороге. Жили тут углекопы, что работали неподалеку в небольших шурфах с подъемниками. Ручей прятался среди черной ольхи, почти вовсе не пострадавшей от близости шахт, откуда ослики, устало бредущие вокруг ворота, вытаскивали уголь на поверхность. И повсюду окрест рассыпаны были эти шурфы, иные выработанные еще во времена Карла II, и немало углекопов и осликов копошилось в земле, точно муравьи, оставляя среди полей и лугов несуразные бугры и небольшие черные проплешины. И домишки этих углекопов, сгрудившиеся то там, то тут по два, по три, а то и вытянувшиеся в улочку вместе со стоящими на отшибе фермами и жилищами чулочников, образовали поселок Бествуд.

Потом, лет шестьдесят назад, все вдруг переменялось. Мелкие шурфы исчезли под натиском шахт, принадлежащих финансовым тузам. В Ноттингемшире и Дербишире обнаружили большие залежи угля и железной руды. Родилось акционерное общество «Карстон, Уэйт и К^о». При чрезвычайном волнении собравшихся лорд Палмерстон официально открыл первую шахту компании в Спини-парк.

Примерно в ту же пору пресловутую Преисподнюю, о которой с годами пошла дурная слава, сожгли дотла и таким образом избавились от всяческой грязи.

Карстон, Уэйт и К° увидели, что дело оказалось прибыльное, и в долинах ручьев вокруг Селби и Наттола стали закладывать новые копи, так что скоро работа шла уже в шести шахтах. От Наттола по высокой насыпи среди леса протянулась железная дорога: мимо развалин небольшого картезианского монастыря, мимо родника Робин Гуда к Спини-парк, потом к Минтону — к большой шахте среди пшеничных полей, от Минтона через обработанные поля в долине — к Банкер-хилл, а там разветвлялась и уходила на север, к Беттерли и Селби, откуда уже видны Крич и холмы Дербишира; шесть шахт, точно черные шляпки гвоздей, вбитых то там, то здесь, и соединила петля тонкой цепочки — железной дороги.

Чтоб было где разместиться множеству углекопов, компания построила «квадраты», четырехугольники домов среди холмов Бествуда, а потом в долине ручья, на месте Преисподней, возвела Низинный.

Низинный состоял из шести кварталов шахтерских домиков — два ряда по три квартала в каждом, точно домино, на котором шесть очков, и в каждом квартале двенадцать домиков. Оба ряда расположились у подножья довольно крутого склона, и оттуда, по крайней мере из окон мезонинов, видно было, как противоположная сторона долины полого поднимается к Селби.

Домики сами по себе были солидные и очень славные. Идешь — и всюду палисадники, и в нижней, теневой, части поселка в них примулы, аврикулы и камнеломка, а в верхней, солнечной, — гвоздика турецкая и обыкновенная; у каждого домика ясные окошки, и крылечко, и невысокая живая изгородь из бирючины, и окошки мезонинов. Но так оно снаружи — к улице у всех шахтерских жен обращены нежилые гостиные. А жилая комната, она же кухня, в глубине дома, окнами на зады поселка, на жалкий огород и на выгребную яму за ним. А между рядами домов, между протянувшимися из конца в конец выгребными ямами — узкая улочка, где играют дети, судачат жен-

щины, курят мужчины. Так что хоть и был Низинный так хорошо построен и так славно выглядел, истинные условия жизни были там совсем неприглядные, ведь жизнь-то шла в кухнях, а кухни выходили на эту чумазую улочку выгребных ям.

Миссис Морел переезжала из Бествуда в Низинный безо всякого удовольствия — он простоял к тому времени уже двенадцать лет, и лучшие его дни миновали. Но выбора у нее не было. Хорошо хоть дом ей достался самый последний в ряду, в верхней части поселка, а значит, соседи только с одной стороны, а с другой — лишний клочок земли под огород. И, поселившись в крайнем доме, она слыла среди здешних женщин чуть ли не аристократкой — ведь за дома, стоящие среди других, арендная плата была пять шиллингов в неделю, а за ее дом — пять с половиной. Но это превосходство не очень-то ее утешало.

Миссис Морел был тридцать один год, и замуж она вышла восемь лет назад. Небольшого росточка, хрупкая, но с решительной осанкой, она от первого знакомства с жительницами Низинного как-то съезжилась. Переехала она в июле, а в сентябре должна была родить своего третьего.

Муж ее был углекоп. Они не прожили в своем новом доме еще и месяца, как наступил праздник, открылась ярмарка. Она знала: Морел, конечно же, не упустит случая повеселиться. В понедельник, в день ярмарки, он ушел спозаранку. Дети были страшно возбуждены. Семилетний Уильям умчался сразу же после завтрака, ему не терпелось порыскать среди балаганов. Энни, которой было всего пять, он с собой не взял, и она все утро хныкала, просилась туда же. Миссис Морел хлопотала по хозяйству. С соседями она еще толком не познакомилась и не знала, кому доверить девчушку. Пришлось пообещать ей, что они отправятся после обеда.

Уильям прибежал в половине первого. Этот живой светловолосый веснушчатый мальчонка слегка смахивал на датчанина или норвежца.

— Мам, пообедать можно? — воскликнул он, прямо в шапке вбегая в дом. — Она начнется в полвторого, мне один дяденька сказал.

— Пообедаешь сразу, как будет готово, — ответила мать.

— А еще не готово? — воскликнул он, сердито уставясь на нее синими глазами. — Тогда побегу без обеда.

— И думать не смей. Обед будет готов через пять минут. Еще только половина первого.

— Там все начнется, — чуть не плача крикнул мальчуган.

— Ничего страшного, даже если и начнется, — сказала мать. — Теперь только половина первого, у тебя еще целый час.

Сынишка стал торопливо накрывать на стол, и все трое тотчас уселись. Они ели пудинг с джемом, и вдруг Уильям вскочил со стула и замер. В отдалении слышалось побрякивание запущенной карусели, затрубил рожок. С искаженным лицом мальчик посмотрел на мать.

— Вот видишь! — сказал он и кинулся к вешалке за шапкой.

— Пудинг прихвати... еще только пять минут второго, выходит, ошибся ты... два пенни свои забыл, — одним духом прокричала мать.

Вконец разогорченный, мальчик вернулся, схватил монетку и, ни слова не сказав, выбежал вон.

— Хочу на ярмарку, на ярмарку, — захныкала Энни.

— Да уж пойдешь, маленькая плакса, ишь как вся сморщилась, — сказала мать.

И попозже устало побрела со своей девочкой вдоль живой изгороди вверх по холму. Сено с полей уже убрали, и на стерню выпустили скот. Было тепло, мирно.

Миссис Морел не нравились такие праздники. Здесь крутились две упряжки деревянных коней, одна с помощью пара, другую водил по кругу пони; вертели ручки трех шарманок, слышался треск одиночных пистолетных выстрелов, оглушала трещотка торговца кокосовыми ореха-

ми, громко скликали охотников поиграть в «тетку Салли», владелица кинетоскопа хриплым голосом зазывала поглядеть диковинные картинки. Мать увидала своего сына — он стоял подле балагана со львом Уоллесом и упоенно глазел на изображения этого знаменитого льва, который убил негра и оставил на всю жизнь калеками двух белых. Она не стала мешать сыну и пошла купить ириску для Энни. Но скоро Уильям уже стоял перед ней, отчаянно возбужденный.

— Ты ж не сказала, что придешь... тут столько всего, правда?.. этот лев, он убил трех человек... я свои два пенса потратил... вот, погляди.

Он вытащил из кармана две рюмочки для яиц, на обеих нарисовано по мускусной розе.

— Я их выиграл вон в том киоске, загнал шарики в ямки. Я их за два кона получил... полпенни за кон... Вот, погляди, на них мускусные розочки. Мне их хотелось.

Это ему для нее хотелось, поняла мать.

— Гм! — сказала она довольная. — Они и вправду милые.

— Возьми, а то вдруг я разобью.

Сейчас, когда пришла мать, в нем все так и бурлило, и он потянул ее по ярмарке, показывая все подряд. Потом у кинетоскопа она объяснила ему, что значит каждая картинка; получился прямо рассказ, и мальчик слушал как завороженный. Он не отходил от нее ни на шаг. Так и льнул к ней, переполненный мальчишеской гордостью за мать. Ведь в своей черной шляпке и накидке она казалась настоящей леди, не то что другие. Встречая знакомых женщин, миссис Морел им улыбалась. А когда устала, спросила сынишку:

— Ну как, пойдем домой или еще побудешь?

— Уже уходишь?! — воскликнул мальчик, и такой упрек выразился у него на лице.

— Уже? Да ведь пятый час, как я понимаю.

— Ну почему, почему ты уходишь? — жалобно протянул Уильям.

— Если тебе не хочется уходить, останься, — сказала мать.

И вместе со своей девчушкой не спеша пошла прочь, а сын смотрел ей вслед, огорченный до глубины души и все-таки не в силах расстаться с ярмаркой. Проходя мимо трактира «Луна и звезды», миссис Морел слышала громкие мужские голоса, до нее донесся запах пива, и она прибавила шаг, подумала, что и ее муж, должно быть, там.

Около половины седьмого вернулся сын, теперь уже усталый, бледный и какой-то приунывший. Сам того не понимая, он был удручен, оттого что отпустил мать одну. Стоило ей уйти, и ярмарка перестала его радовать.

— А папа приходил? — спросил он.

— Нет, — отвечала мать.

— Он пиво разносит в «Луне и звездах». Я видел через дырки в железных ставнях, он рукава закатал.

— Ха! — сердито воскликнула мать. — Он без денег. И будет рад, если сможет даром выпить, пусть даже ничего больше не получит.

Скоро стало смеркаться, миссис Морел не могла больше шить, и она поднялась и подошла к порогу. Все вокруг было пронизано праздничным неугомонным возбуждением, которое наконец передалось и ей. Она вышла в садик. Возвращались домой с ярмарки женщины, ребятишки прижимали к груди кто белого барашка с зелеными ногами, кто деревянного коня. Изредка, нагрузившись под завязку, нетвердыми шагами проходил мужчина. А то мирно шествовал во главе семейства примерный супруг. Но чаще женщины шли без мужей, только с детьми. В сгущающихся сумерках сплетничали на углах домоседки, сложив руки под белыми фартуками.

Миссис Морел стояла одна, но ей было не привыкать. Сын и дочурка спят наверху, значит, похоже, дом здесь, у нее за спиной, в целостности-сохранности. Но ожидающееся прибавление семейства угнетало. Жизнь казалась безотрадней — ничего хорошего уже не ждет ее в этом мире,

по крайней мере пока не вырос Уильям. Да, ничего ей не остается, кроме безотрадного долготерпенья, пока не выросли дети. А детей что ждет! Не вправе она заводить третьего. Не хочет она его. Отец подает пиво в пивной, лишь бы самому напиться допьяна. Она презирает его — и прикована к нему. Новое дитя ей не по силам. Если б не Уильям и Энни, у нее опустились бы руки в этой борьбе с нищетой, уродством, убожеством.

Слишком она сейчас отяжелела, на улицу не выйти, но и оставаться в доме не вмоготу, и она вышла в палисадник. Было жарко, нечем дышать. Она вглядывалась в будущее, и при мысли о том, что ждет впереди, ей казалось, ее похоронили заживо.

Крохотный палисадник окружали кусты бирючины. Миссис Морел постояла там в надежде, что запах цветов, красота угасающего вечера утешат ее. Напротив крохотной калитки была приступка, ведущая на холм, к высокой живой изгороди меж пламенеющих на закате скошенных лугов. Высоко в небе переливался, трепетал свет. Но вот уже померкли луга, землю и живые изгороди объяла сумеречная дымка. Темнело, и из-за холма поднялось красное сиянье, доносились, теперь уже слабее, отзвуки ярмарочной суеты.

Иногда в провале тьмы, обозначившем тропинку между живыми изгородями, пошатываясь, брел домой мужчина. Какой-то парень припустился бегом по крутому у подножья склону холма и, споткнувшись о приступку, с шумом грохнулся наземь. Миссис Морел вздрогнула. А он поднялся, зло, но и жалобно ругаясь, будто это приступка виновата, что он ушибся.

Неужто и дальше все так и будет, подумала миссис Морел, и с этой мыслью пошла в дом. Нет, ничего не изменится в ее жизни — она уже начинала это понимать. Такой далекой кажется юность, и трудно представить, что это она, тяжело ступающая сейчас по двору в Низинном, десять лет назад так легко бежала по молу в Ширнесе.

— У меня-то что общего с этим? — спросила она себя. — У меня-то что общего со всем этим? Даже и с ребенком, которого я ношу! Сдается мне, сама я совсем не в счет.

Бывает, жизнь вцепится в человека, влечет его за собой, творит его судьбу, и, однако, эта судьба кажется неправдоподобной, будто дурной сон.

— Я жду, — сказала себе миссис Морел. — Жду, а тому, чего жду, может, и не бывать.

Она прибрала в кухне, зажгла лампу, помешала уголь в очаге, собрала на завтра стирку и замочила. Потом села за шитье. Проходил час за часом, и размеренно сновала взад-вперед иголка. Иной раз женщина вздохнет, утомившись, переменит позу. И все думает, думает, как лучше распорядиться тем, что ей дано, — ради детей.

В половине двенадцатого вернулся муж. Щеки над черными усами пунцовые, так и лоснятся. Голова покачивается. Сразу видно, очень собой доволен.

— Вон чего! Вон чего! Поджидаешь меня, лапушка? А я Энтони помогал, и сколько, думаешь, он заплатил? Паршивые полкроны, и ни гроша больше...

— Он считает, ты остальное получил пивом, — резко сказала она.

— А я не получил... не получил. Ты мне верь. Я нынче совсем чуток выпил, верно тебе говорю. — Теперь в голосе его зазвучала нежность: — Глянь, я те какой пряничек принес, а ребятишкам вон орех кокосовый. — Он положил на стол круглый пряник и обросший волосками кокос. — Нет, видать, спасибо ни в жисть не дождешься, верно я говорю?

Не желая с ним ссориться, жена взяла кокос и потрясла, проверяя, есть ли в нем молоко.

— Орех что надо, не сумлевайся. Мне Бил Ходжкисон дал. «Бил, — говорю, — на что тебе три ореха-то? Может, дашь один для моего мальчика и девчонки?» А он говорит: «Как не дать, Уолтер, дружище, бери, какой глянулся». Ну я и взял, спасибо ему сказал. Трясти-то у него на глазах не стал, а он говорит: «Ты погляди, Уолт, хорош ли орех взял».

Так что я уж знал, орех первый сорт. Золотой он парень, Бил Ходжкисон, золотой!

— Пьяному ничего не жаль, — сказала миссис Морел, — а вы оба с ним напились.

— Да что это ты говоришь, лапушка моя, кто напился? — возразил Морел. Был он до крайности доволен собой, а все оттого, что весь день помогал в «Луне и звездах». И сейчас болтал, не закрывая рта.

Миссис Морел, безмерно усталая, раздосадованная его болтовней, поспешила уйти спать, а он все ворошил угли в очаге.

Миссис Морел была родом из старой добропорядочной семьи горожан, славных сторонников Независимых, которые воевали на стороне полковника Хатчинсона и остались неколебимыми конгрегационалистами. В пору, когда в Ноттингеме разорилось множество предпринимателей, связанных с производством кружев, обанкротился и ее дед. Отец ее Джордж Коппард был механик — рослый, красивый, заносчивый, он гордился своей белой кожей и голубыми глазами, но еще того более своей неподкупностью. Гертруда хрупкой фигуркой походила на мать. Но гордый и непреклонный нрав унаследовала от Коппардов.

Джордж Коппард мучительно терзался своей бедностью. Он работал старшим механиком в доках Ширнесса. Миссис Морел, Гертруда, была его второй дочерью. Она пошла вся в мать и ее больше всех любила; но унаследовала коппардовские ясные голубые непокорные глаза и высокий лоб. Она помнит, как ненавистна была ей властная манера отца в обращении с ее кроткой, веселой, добросердечной матерью. Помнит, как бегала по молу в Ширнессе и отыскивала корабль, который ремонтируют под началом отца. Помнит, как однажды побывала в доках, и рабочие баловали ее и расхваливали на все лады, потому что была она милая и притом гордая девчушка. Помнит чудаковатую старушку-учительницу в частной школе, у которой она была помощницей и которой так любила помогать. И она до сих

пор хранит Библию, которую ей подарил Джон Филд. В девятнадцать лет она обычно возвращалась из церкви с Джоном Филдом. Был он сыном состоятельного коммерсанта, учился в колледже в Лондоне, и ему предстояло заняться коммерцией.

Ей навсегда запомнилось то сентябрьское воскресенье, когда после полудня они сидели вдвоем под выющим виноградом в саду за домом ее отца. Солнце пробивалось сквозь просветы между листьями, и солнечные блики образовали прихотливый узор, словно на них обоих накинута кружевной шарф. Иные листья были совсем желтые, будто плоские желтые цветы.

— Не шевелись! — воскликнул он. — Подумай, никак не пойму, какие у тебя волосы! Яркие, как медь и золото, и красные, будто пламенеющая медь, а где коснулось солнце, золотые пряди. Надо же, и это называется шатенка. Твоя мама говорит, они мышиного цвета.

Гертруда взглянула в его заблестевшие глаза, но ясное лицо ее едва ли выдавало обуюющую ее радость.

— Но ты говоришь, ты коммерцию не любишь, — продолжала она.

— Не люблю. Терпеть не могу! — с жаром воскликнул он.

— И предпочел бы стать священником. — Это прозвучало почти умоляюще.

— Да. Предпочел бы, если б думал, что из меня получится выдающийся проповедник.

— Тогда почему ж тебе не стать... не стать, кем хочешь? — В голосе ее прозвучал вызов. — Будь я мужчиной, меня бы ничто не остановило.

Она гордо вскинула голову. И Джон Филд даже оробел.

— Но отец такой упрямый. Он решил определить меня по коммерческой части, и он поставит на своем.

— Но ведь ты мужчина! — воскликнула Гертруда.

— Этого еще недостаточно, — хмурясь, отвечал Джон, смущенный и беспомощный.

Теперь, в Низинном, среди хлопот по хозяйству, уже имея кой-какое представление о том, что значит быть мужчиной, она понимала, что просто быть мужчиной и вправду недостаточно.

В двадцать лет из-за слабости здоровья она уехала из Ширнесса. Отец увез семью на родину, в Ноттингем. А отец Джона Филда разорился; и сын отправился учительствовать в Норвуд. Она ничего о нем не знала, пока наконец два года спустя не навела справки. Оказалось, он женился на своей квартирной хозяйке — сорокалетней вдове, у которой была кое-какая земля.

И однако миссис Морел по сей день хранит подарок Джона — Библию. Теперь она не назвала бы его мужчиной... Что ж, она отлично поняла, что ему дано, а что нет. И она хранит эту Библию, и нетронутой хранит в сердце память о нем. До конца своих дней, тридцать пять лет, она о нем ни разу не заговорила.

Двадцати трех лет она на рождественской вечеринке познакомилась с молодым человеком из Эроушвелли. Морелу было тогда двадцать семь. У него была хорошая осанка, держался он прямо и молодцевато. Его черные волнистые волосы к тому же еще блестели, и черная роскошная борода явно никогда не знала бритвы. Щеки румяные, а красный влажный рот особенно приметен оттого, что Морел много и заразительно смеялся. И смех редчайший — глубокий и звонкий. Гертруду Коппард он совершенно очаровал. Был он так ярок, так полон жизни, такой услужливый и милый со всеми, так естественно звучали в его голосе комические нотки. У ее отца было отлично развито чувство юмора, да только сатирического. А у этого человека он другой: мягкий, немудреный, сердечный, какой-то веселящий.

Сама она была иного склада: имела пытливый, восприимчивый ум и с огромным удовольствием, с интересом слушала других. Была она мастерица разговорить человека. Любила пофилософствовать и считалась девушкой весьма мыслящей. А всего больше ей нравилось беседовать с ка-